

ПОГОСТИНЕЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Влад Лунь

18+

Влад Лунь

Погостинец

<https://litres.ru/74240342>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро старых знакомых сбегают от своих проблем в забытую богом деревню. Долги, разбитые судьбы, пепел сожжённых мостов — всё осталось позади, в душном мегаполисе, а деревня Вешаловка встречает героев тишиной старых изб, запахом прелой земли и странным радушием местных. Здесь они начинают жить заново, пока не замечают некоторые странности.

Фэнтезийный роман в сеттинге русской деревни от психолога, вдохновленного красотой и традициями российской глубинки.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Влад Лунь

Погостинец

Глава 1

Москва умела опьянять. Не вином, не дымом кальянов, что клубились в углах дорогих заведений, — своим существованием. Ночной город дышал неоном и золотом, обещаниями и ложью, и те, кто считал себя его хозяевами, упивались этим коктейлем с жадностью наркоманов.

Клуб «Эдем» — ироничное название для места, где грех был не просто нормой, а валютой — гудел, как растревоженный улей. Сегодня Максим Кравцов, владелец заведения и негласный король московской клубной сцены, праздновал тридцатилетие. Впрочем, праздновал — громко сказано. Скорее, позволял другим праздновать в его честь, сам же восседал за столиком на верхнем ярусе, окруженный моделями с пустыми глазами и приближенными с еще более пустыми душами. Танцпол внизу представлял собой море тел, колышущихся в такт музыке, которую едва ли можно было так назвать. Электронный бит вгрызался в барабанные перепонки, лазерные лучи резали прокуренный воздух, и в этом хаосе света и звука золотая молодежь Москвы отплясывала свой бесконечный танец в честь красивой и успешной жизни.

Они были красивы — идеально красивы, словно сошли с глянцевого обложки журнала «PLAYBOY». Девушки в платьях, стоящих как годовая зарплата учителя, парни в рубашках от кутюр, расстегнутых ровно настолько, чтобы продемонстрировать загар с последнего отдыха на Багамах. Они смеялись слишком громко, пили слишком много, целовались слишком жадно — и во всем этом не было ни капли искренности. Поколение, выросшее в эпоху изобилия и информационного шума. Им не нужно было бороться за место под солнцем — оно было куплено их родителями. Им не нужно было искать смысл — его заменили лайки в социальных сетях и демонстрация мнимого успеха. Образование? Для чего, если папин бизнес уже ждет наследника. Культура? Зачем читать Достоевского, когда можно посмотреть сторис у блогера.

Общество приходило в упадок не с грохотом и треском, не с войнами и революциями. Оно медленно, почти незаметно гнило изнутри, как яблоко, червивое в самой сердцевине. И эти юноши и девушки, танцующие под синтетические ритмы, были не причиной, а симптомом. Они наследовали мир, где ценности подменили цифрами на банковских счетах, где любовь измерялась каратами бриллиантов, где человеческая жизнь стоила ровно столько, сколько за нее готовы были заплатить.

Когда-то философы говорили о закате Римской империи, о декадансе и моральном разложении. Но у Рима хотя бы

были колизеи и акведуки. Что останется после этого поколения? Селфи на фоне чужих достижений?

Олег Чернышев сидел в VIP-зоне, отгороженной от общего зала тяжелыми бархатными шторами цвета запекшейся крови, и наблюдал за этим карнавалом через узкую щель. Стакан с виски — хорошим, двадцатилетней выдержки, тем, что он не мог себе позволить еще год назад — стоял перед ним нетронутым. Лед давно растаял, превратив янтарную жидкость в нечто водянистое и непривлекательное.

Он не пил. Не сегодня. Сегодня ему нужна была ясная голова.

Олег откинулся на спинку дивана — кожа была мягкой, почти маслянистой на ощупь, из тех, что вырабатывают в Италии из телят особой породы — и провел рукой по лицу. Пальцы наткнулись на щетину. Нужно было побриться, но какая, к черту, разница? Он посмотрел на свое отражение в зеркальной стене напротив: высокий, худощавый парень с длинными темными волосами, собранными в небрежный пучок на затылке. Кожаная куртка, потертая в нужных местах — не от времени, а от фабричной обработки, джинсы, рваные ботинки. Образ рок-музыканта, тщательно выверенный стилистами.

Рок-музыканта. Какая ирония.

Олег усмехнулся, и усмешка вышла горькой. Рок умер. Нет, он не умер в один момент, его убивали долго и методично. Сначала заменили синтезаторами живые инструменты.

Потом — страсть и боль отполированным студийным звуком. Затем — смысл текстов коммерчески выгодными слогами. А недавно и вовсе начали хоронить легенд. Сначала ушел Лемми Килмистер, и с ним — целая эпоха. Потом — Дэвид Боуи, унеся с собой космическую странность семидесятых. Крис Корнелл повесился в гостиничном номере, и гранж окончательно превратился в музейный экспонат. Честер Беннингтон последовал за ним, словно не в силах вынести тяжести этого мира. Один за другим, как костяшки домино.

Олег вырос на их музыке. В крошечной двухкомнатной квартире в Подмосковье, где отец пил все, что горело, а мать работала на трех работах, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Там, где обои отваливались от стен, а соседи орали друг на друга по ночам, единственным спасением был старенький плеер и наушники, найденные на помойке и чудом работавшие. Metallica учила его гневу. Nirvana — отчаянию. Led Zeppelin — тому, что красота может существовать даже в темноте. AC/DC — что жизнь, какой бы дерьмовой она ни была, стоит того, чтобы за нее бороться. Он научился играть на гитаре — на инструменте, который мать купила на рынке за три тысячи рублей, отложенные с зарплаты. Учился сам, по видеоурокам на ютубе, обдирая пальцы до крови о струны. Писал песни о том, что видел вокруг: о нищете, о несправедливости, о маленьких людях, раздавленных системой. И система ему ответила. Неожиданно. Его заметили. Сначала

— несколько тысяч просмотров на ютубе. Потом — концерт в подвале мото-клуба. Затем — контракт с небольшим лейблом. А там — словно кто-то открыл шлюз: фестивали, радиоэферы, контракт с крупной студией.

За два года Олег Чернышев из мальчишки с окраин превратился в восходящую звезду российской рок-сцены. Критики писали о «возрождении жанра», о «голосе поколения», о «новом витке развития». Продюсеры выстраивались в очередь. Двери, которые были наглухо закрыты для таких, как он, распахивались сами. Включая двери в мир золотой молодежи.

Ирония заключалась в том, что он пел о них — о их пустоте, о их жизни в золотой клетке. А они аплодировали. Покупали билеты на концерты, делали селфи с ним на фоне, цитировали его тексты в своих соцсетях, не понимая, что они и есть объект строчек. Или понимая, но наслаждаясь этой игрой в бунтарство, которое ничем им не грозило. И постепенно, почти незаметно, он сам становился частью этого мира. Вечеринки в элитных клубах. Знакомства с детьми олигархов и чиновников. Приглашения на закрытые мероприятия. Он говорил себе, что это нужно для карьеры, что так работает индустрия, что он остается собой. Но когда он смотрел в зеркало поздно ночью, видел в своих глазах что-то чужое. Что-то, что пугало.

Музыка за шторами сменилась — теперь играл какой-то трэп, и Олег поморщился. Бит был примитивным, текст —

набором слов о деньгах, тачках и женщинах. Никакой души, никакого послания. Просто звук, упакованный в коммерчески успешную обертку. А может, он и сам уже не лучше? Последний альбом, выпущенный полгода назад, разошелся тиражом в сто тысяч копий. Продюсер был доволен. Лейбл продлил контракт. Но когда Олег слушал эти песни, он не узнавал себя. Студия отполировала их до блеска, убрав все шероховатости, всю живую энергию. То, что вышло, было красиво. Профессионально. Мертво. Он хотел вернуться к истокам. Записать новый альбом так, как считал нужным — в маленькой студии, с живым звуком, без вмешательства продюсеров. Но это требовало денег. Много денег. А денег у него не было. Деньги были у лейбла, но лейбл хотел контроля. Деньги были у спонсоров, но спонсоры хотели коммерческого успеха. Деньги были у банков, но кредиты под проценты — это долговая яма.

И тогда появился другой вариант.

Олег сжал стакан так сильно, что костяшки пальцев побелели. Идиот. Конченный идиот. Как он мог быть настолько глупым? Всего одна поездка. Так ему сказали. Съездишь в Питер, заберешь пакет, привезешь обратно. Двести тысяч зеленой, никаких вопросов. Хватит, чтобы снять студию на месяц и записать весь альбом. Он знал, что это наркотики. Конечно, знал. Но убеждал себя: одна поездка, один раз, и всё. Он же не торгует, он просто курьер. И деньги нужны на правое дело, на музыку, на искусство. Оправдания. Жалкие,

оправдания.

Его взяли на обратном пути. Блокпост на Московской кольцевой. Проверка документов. А потом — собака, которая учуяла товар в тайнике под обшивкой. Три килограмма синтетики, чистой, дорогой. Статья — до пятнадцати лет. Но менты оказались сговорчивыми. Вернее, коррумпированными. Олег отдал все, что было на счетах — около сотни в рублях, заработанных концертами. Они забрали деньги. Забрали товар. Отпустили с миром и даже не составили протокол. Он думал, что отделался легко.

А потом пришли те, кому он не доставил груз. Первый звонок был вежливым. Почти дружеским. Незнакомый голос с легким кавказским акцентом объяснил ситуацию: товар стоил два миллиона. Товар пропал. Кто-то должен компенсировать убытки. Олег попытался объяснить, что его взяли, что товар конфисковала полиция, что он сам пострадал.

— Это твои проблемы, брат, — сказал голос, и вежливость из него никуда не делась, что было даже страшнее, чем угрозы. — Товар был твоей ответственностью. Ты его потерял. Значит, ты и платишь.

Второй звонок был менее вежливым. Голос намекнул, что если деньги не найдутся, найдутся другие способы решения проблемы. Способы болезненные. Третьего звонка не было. Вместо этого Олега попытались похитить прямо возле студии звукозаписи. Двое парней в спортивных костюмах, быстрых и молчаливых. Он вырвался только потому, что рядом

оказался охранник студии. С тех пор прошла неделя. Олег не выходил из дома без оглядки. Спал по три часа в сутки. Прислушивался к каждому шороху на лестничной площадке. Это не было жизнью. Это было существование загнанного зверя. И он понял: нужна помощь. Нужны были люди, которые могут решать проблемы с позиции силы, а не дипломатии. И у него был один вариант.

Александр Волгин. Сашка. Друг детства, с которым они не общались плотно уже несколько лет.

Олег посмотрел на часы — массивные, швейцарские, подарок от продюсера на двадцатипятилетие. Половина одиннадцатого. Саша опаздывал уже на двадцать минут. Впрочем, Саша всегда опаздывал. Это была его фирменная черта, неизменная с детства. Словно в ответ на мысль, штора дернулась, и в проем просунулась голова охранника — бритоголовый детина с шеей толще Олеговой ноги.

— Чернышев, к тебе гость.

— Пусти.

Охранник кивнул и отступил. Через секунду в VIP-зону вошел мужчина.

Александр Волгин изменился. Конечно, изменился — прошло пять лет с тех пор, как они виделись в последний раз, не считая случайных пересечений на улицах. Но дело было не в возрасте. Саша всегда был крепким парнем, широкоплечим, с руками, которые привыкли к физическому труду. Теперь же он стал жестче, словно выкованным из желе-

за. Короткая стрижка, прямая спина, взгляд, который скользил по помещению, оценивая, просчитывая, ищущий угрозы. Взгляд военного. На нем были простые джинсы, темная футболка под расстегнутой курткой и тяжелые ботинки. Никакого лоска, никакого глянца. Человек из другого мира, вошедший в логово золотых змей.

Он шел с едва заметной хромотой, чуть прихрамывая на левую ногу.

Олег встал, и на его лице расплылась улыбка — первая искренняя за весь вечер.

— Сань! Думал, ты вообще забил.

— Пробки, — коротко ответил Александр, но уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. — Ты же знаешь Москву в пятницу вечером.

— Знаю, — Олег обнял друга, и тот ответил на объятие, хотя и несколько скованно. — Знаю. Хотя, помню, у тебя всегда были отмазки покреативнее.

— Что ты имеешь в виду?

Олег расхохотался и плюхнулся обратно на диван, похлопав рукой по месту рядом с собой. Александр сел, но на край, настороженно, будто готовясь в любой момент вскочить.

— Не помнишь?! Седьмой класс, урок математики у. Ты опоздал на сорок минут. Сорок, Карл! Училка уже вся кипела, думала, ты прогуливаешь. А ты вваливаешься с такой серьезной рожей и выдаешь...

Александр закатил глаза, но улыбка стала шире.

— Не напоминай.

— Нет уж, позволь! — Олег изобразил серьезное выражение лица, слегка понизив голос в подражание. — «Светлана Сергеевна, простите за опоздание. Я помогал бабушке перейти дорогу, но она оказалась очень медлительной. А потом выяснилось, что ей нужно было не просто перейти, а дойти до поликлиники. В другом конце района. Я не мог бросить пожилого человека, это было бы негуманно!»

Александр усмехнулся, качая головой.

— Самое смешное, что она поверила.

— Поверила! Даже пятерку за сочувствие вклеила! А потом твоя настоящая бабка пришла на родительское собрание, и Светланка ее поблагодарила за то, что воспитала такого отзывчивого внука. Бабуля вообще не поняла, о чем речь.

Они рассмеялись — легко, как в старые времена. На мгновение вернулось то, что было когда-то: простая, неосложненная дружба двух пацанов из одного двора. Но мгновение длилось недолго. Александр откинулся на спинку дивана, и смех стих. Повисла тишина — не совсем неловкая, но и не комфортная. Тишина, в которой проглядывались невысказанные слова, старые обиды, годы разлуки.

Олег прекрасно помнил, как всё начало рушиться. Последний класс школы. Они с Сашей были неразлучны с детского сада: гоняли мяч во дворе, списывали друг у друга контрольные, делили последнюю сигарету на лестничной клетке, спорили о музыке и фильмах до хрипоты. А еще была

Валерия Замятина.

Лера. Высокая, стройная девчонка с длинными светлыми волосами и россыпью веснушек на носу. Она пришла в их класс в десятом классе, переводом из другой школы, и Саша влюбился в нее со всей силой подросткового максимализма. Олег помнил, как друг часами говорил о ней, краснея и запинаясь. Как писал ей записки, которые никогда не решался передать. Как провожал до дома, идя в противоположную сторону от своего маршрута. Классическая первая любовь — неловкая, всепоглощающая, прекрасная в своей наивности. Проблема была в том, что Лера этого не замечала. Вернее, воспринимала Сашу как хорошего друга, как надежное плечо, но не больше. А вот Олега заметила.

Он не планировал. Не хотел. Лера была для него просто одноклассницей, пусть и симпатичной. Но они начали вместе готовиться к экзаменам — у Олега хорошо давалась литература, у Леры — математика. Совместные занятия. Разговоры. Смех над глупыми шутками. Случайные прикосновения за общим столом. И однажды, после очередного занятия, она поцеловала его.

Олег помнил взгляд Саши, когда тот увидел их вместе. Они стояли у школы, держась за руки, а Саша вышел из здания и замер, как вкопанный. На его лице было такое выражение, словно его ударили в солнечное сплетение. Он ничего не сказал. Развернулся и ушел.

Олег пытался поговорить. Звонил, писал, ловил возле до-

ма. Саша уклонялся, отвечал односложно, держал дистанцию. Обиды он не высказывал — что делало все только хуже. Лучше бы наорал, ударил, выплеснул бы это все. Но Саша молчал. И через месяц после выпускного ушел в армию. Не по призыву. Добровольно. Заключил контракт и отправился служить в разведроту. А потом — в горячую точку. В места, названия которых мелькали в новостях и означали смерть. Олег знал правду. Знал, почему Саша ушел. Не из патриотизма, не из жажды приключений. Он бежал. От боли, от ситуации, от невозможности видеть их с Лерой вместе каждый день. И это чувство вины грызло Олега еще долго. Он не предавал друга сознательно, не строил козней. Но результат был тот же. Ирония судьбы заключалась в том, что с Лерой они расстались через полгода. Она поступила в университет в Питере, уехала, и отношения на расстоянии не сложились. Расстались тихо, без скандалов, просто разошлись, как расходятся многие.

Саша где-то воевал. Лера строила свою жизнь. Олег начал карьеру музыканта. Изредка Саша присылал короткие сообщения. "Жив. Все нормально." Фотографий не было, подробностей тоже. Олег отвечал, рассказывал о своих делах, но чувствовал, что между ними стена, которую не пробить словами в мессенджере.

А потом, два месяца назад, пришло сообщение: "Демобилизовался. Вернулся в Москву." Олег предложил встретиться. Саша согласился, но встречи откладывались — то у од-

ного дела, то у другого. Пока Олег не оказался в той яме, из которой сам выбраться не мог. И позвал на помощь человека, которого когда-то предал.

— На службе? — Олег кивнул на ногу, обратив внимание, что его друг зашел в VIPку слегка хромая.

Саша глянул вниз, будто только сейчас вспомнив о ранении.

— Осколок. Ничего серьезного, просто периодически ноет. Особенно из-за погоды. Чувствую себя дедом.

— Ты и выглядишь как дед, — съязвил Олег, пытаясь вернуть легкую атмосферу. — Тебе двадцать пять, а ты уже весь такой суровый. Улыбаться разучился?

— Было над чем поулыбаться в последние годы, — буркнул Александр, но без злости.

Повисла пауза. Олег налил виски в два стакана, протянул один Александру. Тот взял, но пить не стал, просто вертел стакан в руках.

— Ты устроился? — спросил Олег. — На гражданке, я имею в виду.

— Устроился. ЧОП, охрана объектов. Платят нормально, график удобный.

— А дальше-то че хочешь делать?

Александр пожал плечами.

— Без понятия. В армии хотя бы все понятно было: приказ, выполнение, результат. Здесь... — он глянул в щель меж-

ду кровавыми шторами, — здесь все иначе.

— Добро пожаловать в реальный мир, — хмыкнул Олег.

— Реальный мир, — повторил Александр с какой-то горечью. — Да уж.

Они помолчали. Музыка за шторами изменилась снова, теперь играл что-то более мелодичное, почти танцевальное. Кто-то за стеной хохотал — истерический, пьяный смех.

— Как Лера? — спросил Александр негромко, не глядя на Олега.

Вопрос прозвучал обыденно, но Олег почувствовал в нем напряжение.

— Не знаю, — честно ответил он. — Мы не общаемся. Она в Питере, я здесь. Она замуж собирается, кажется. Видел посты в ее Телеге.

— Понятно.

Еще одна пауза. Олег сделал глоток виски — обжигающий, резкий. Нужна была смелость для того, что он собирался сказать. Жидкая смелость из бутылки.

— Слушай, Сань, — начал он и осекся.

Александр посмотрел на него — спокойный, выжидающий взгляд. Взгляд человека, который научился читать людей. Который знал, что сейчас последует просьба.

— Ты же не просто так меня позвал, — констатировал Александр. — На дружескую встречу в клубе за два года не позвал ни разу. А тут вдруг срочно надо увидеться. Что-то случилось?

Олег хотел соврать. Или хотя бы обойти углы, подать все в более выгодном свете. Но что-то в глазах Саши останавливало. Этот человек прошел через войну. Прошел через смерть, чужую и почти свою. Он видел, как люди умирают, как рушатся дома, как горит земля. Вряд ли он впечатлится историями о московских разборках. Поэтому Олег решил сказать правду.

— Я в дерьме по самую макушку, Сань. В полном дерьме.

Рассказал про деньги, которых не хватало на запись альбома. Про соблазн легкого заработка. Про поездку в Питер, про тайник с наркотиками, про блокпост. Про ментов, которые забрали все деньги и товар. Про звонки. Про угрозы. Про попытку похищения. Александр слушал молча, не перебивая. Лицо его оставалось непроницаемым, но Олег видел, как напрягалась челюсть, как сжимались пальцы на стакане.

Когда он закончил, повисла тишина.

— Наркокурьером, — наконец произнес Александр, и в голосе его было что-то такое, что заставило Олега съежиться.

— То есть ты стал наркокурьером.

— Я понимаю, как это звучит...

— Ты, блядь, совсем не понимаешь, — оборвал его Александр. Голос был тихим, но в нем звенела сталь. — Ты даже, нахуй, не представляешь, сколько народу умирает от этой дряни. А знаешь, сколько судеб ломается? Я на Востоке видел, как боевики финансировали свои операции продажей этой хуйни. Как детей сажали на иглу, чтобы потом вербо-

вать. Синтетику перевозил, говоришь? Знаешь, что от нее происходит с организмом?

Олег молчал, глядя в пол.

— Мне нужны были деньги, — глухо сказал он.

— Деньги ему нужны были, — повторил Александр с горечью. — Для искусства, значит, музыкант херов.

— Сань...

— А что Сань? — Александр поднялся. — Я, блять, думал, ты хотел просто встретиться. Попиздеть, как в старые-добрые. А ты... — Он осекся, провел рукой по лицу. — А ты меня позвал, чтобы я решал твои проблемы.

— Но мне не к кому было обратиться! — Олег тоже вскочил, и в голосе его прозвучало отчаяние. — У тебя связи остались, боевые товарищи. Ребята, которые могут... разобратся. Защитить. Я заплачу, найду денег, сколько нужно...

— Защитить, — Александр усмехнулся без капли веселья. — Ты хочешь, чтобы я привел своих братанов, с которыми служил, которые кровь проливали за страну, и использовал их в разборках наркоторговцев? Ты вообще, блять, соображаешь, что ты несешь?

— Я понимаю...

— Нихуя ты не понимаешь, Олежа! — впервые Александр повысил голос. — Эти люди — не бандосы и не спортсмены. Это офицеры, прапорщики, солдаты. У них семьи, работа, будущее. Ты хочешь, чтобы они рисковали всем этим ради левого долбоеба, который сам влез в дерьмо по собственной

глупости?

Олег сжал кулаки. В горле стоял ком.

— И хули тогда делать-то? — спросил он тихо. — Сань, они меня ебанут и дело с концом. Или покалечат так, что я сам пожалею, что не сдох. У меня нет двух миллионов и ближайшее время не планируется. Если ты мне не поможешь...

Он не договорил. Александр стоял, отвернувшись, глядя на колышущуюся штору. За ней гудел клуб, жила своей бессмысленной жизнью золотая молодежь, не ведая, какие драмы разворачиваются в паре метров от них.

— Лерка знает? — спросил Саша, не оборачиваясь.

Олег растерялся.

— Что? При чем тут...

— Знает? — повторил Александр.

— Нет. Мы не контаким, я же сказал.

— Но ты ведь общаешься с ее семьей, — Александр повернулся. — Видел в сетях сбор и что ее отец болеет. Онкология. Последняя стадия.

Олег не знал. Он действительно не следил за жизнью Леры последние годы.

— Лера бросила работу, — продолжал Сашка. — Вернулась в Москву, ухаживает за отцом. Жена его бросила. Живут на то, что Лерка успевает заработать фрилансом. Я... — он замолчал, потом продолжил тише, — я ей помогаю иногда. Деньгами. Пенсия-то за заслуги перед Отечеством — не маленькая. Она конечно не знает, от кого, думает, что бла-

готворительный фонд перечисляет.

Олег смотрел на него, и что-то внутри щелкнуло. Саша все эти годы продолжал любить ее. Молча, на расстоянии, не требуя ничего взамен.

— Она не вывезет, — сказал Александр, и голос его был ровным, но в нем слышалась боль. — Если с тобой что-то случится. Когда-то ты был для нее всем. Ей сейчас и так хреново...

Он замолчал.

— Есть вариант, — он медленно протянул фразу. — Но не тот, который ты предлагал.

— Какой?

Саша сел обратно, и Олег последовал его примеру. Между ними на столе стояли стаканы с виски, один нетронутый, второй почти пустой. Музыка гремела. Золотая молодежь танцевала. Мир продолжал вращаться, безразличный к маленьким человеческим драмам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.